

Имя автора писателя Александра Александровича Смышляева, председателя Камчатского регионального отделения Союза писателей России, хорошо известно читателям не только Дальнего Востока, но и всей страны. Из-под его пера вышли такие книги, как «Камчатка: от Адамовича до Бирюкова» (1996), «Геологи Камчатки. Золото, платина, алмазы (очерки по истории геологических исследований на Камчатке)» (СПб., 1999), «Прогулки по Петропавловску» (СПб., 2000), «Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского)» в соавторстве с И. В. Витер (2000), «Время красной рыбы» (2003), «Горячие снега «Берингии» (дневник большой камчатской гонки на собачьих упряжках «Берингия» в 2003 году)» (2004), «Камчатка и еще дальше...» (2012) и другие. Всего на счету автора двадцать две книги, среди них не только историческая документалистика и художественная проза, но и поэзия.

А. А. Смышляев объединяет в себе таланты геолога, первооткрывателя, руководителя, организатора, журналиста, режиссера, писателя, издателя, краеведа. С 2010 года он редактор и составитель ежегодного сборника «Камчатка». По счастливому стечению обстоятельств он стал известен и курскому читателю. Это произошло благодаря сотрудничеству А. А. Смышляева с курскими писателями, некогда проживавшими на Камчатке и писавшими о ней, а также с литературоведами, исследующими прозу курских писателей. Так, например, в выпуске альманаха 2015 года опубликованы знаменитые «Карагинские одиссеи» Бориса

Агеева и статья с анализом творчества этого писателя. Благодаря такому тесному сотрудничеству двух писательских организаций, Камчатской и Курской, возникает взаимный интерес к достижениям и открытиям друг друга, к новым именам и новым произведениям в культурном пространстве двух географически отдаленных областей. Поэтому не случайно наше обращение к известной книге камчатского писателя «Навсегда ухожу к медведям», изданной впервые в 2005 году, но сегодня по-особенному зазвучавшей на фоне сложившихся культурных притяжений.

В книгу входят две большие повести и четыре рассказа. Произведения существенно различаются по содержанию и стилистике.

Приключенческая повесть «Пока собачки бегут на север...» посвящена знаменитой на Камчатке тысячекилометровой гонке на собачьих упряжках, получившей название «Берингия», «в честь командора Беринга», как объясняет один из героев**. Путь ее пролегает через заснеженные просторы Центральной Камчатки и изобилует разного рода трудностями и препятствиями, создаваемыми как самой природой, так и несовершенством человеческой природы. Приключенческий характер повести как раз и основан на моментах преодоления смертельных опасностей и счастливым обретением истинных друзей и постижением стержневых основ жизни.

Вторая повесть, «Куклы Апостолграда», посвящена социальной проблематике в основе которой — нравственный конфликт. Действие происходит в наши дни во время

* Смышляев, А. А. *Навсегда ухожу к медведям: повести, рассказы.* / А. А. Смышляев. — Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2005. — 352 с.

** Смышляев, А. А. *Навсегда ухожу к медведям... С. 9.*

выборов депутата Госдумы, место действия по-прежнему — Камчатка. Автор стремится обострить ситуацию, чтобы обнажились все тайные страсти человеческой души, чтобы выявить лучшие качества человека, способного к преодолению соблазнов. В произведении затронуты очень актуальные темы: предательства и чести, патриотизма и снобизма, цинизма и искренности. Проводя читателя через многие нравственные испытания, автор подводит его к мысли о неизменном преобладании добра над злом. Подобный нравственный выбор происходит в душе каждого человека, сохранившего в чистоте свою совесть.

Из четырех рассказов книги первые два посвящены людям трагической и героической судьбы. Рассказ «Далеко на «Камчатке»» повествует о капитане Зигмасе, в одиночку совершившем кругосветное плавание на яхте «Камчатка». Так случилось, что в Коста-Рике от жары и переутомления с ним случился сердечный приступ. Завершал свою кругосветку капитан Зигмас уже духовно. Тело его кремировали, урна с прахом пересекла Тихий океан, замыкая маршрут, но уже с друзьями капитана Зигмаса, приехавшими за его телом с Камчатки.

Рассказ «Навсегда ухожу к медведям», давший название всей книге прозы, навеян трагедией, случившейся в Кроноцком заповеднике на Камчатке. Виталий Александрович Николаенко, исследователь камчатского бурого медведя, известный всему миру фотограф-натуралист, автор знаменитого фотоальбома «Камчатский медведь» с уникальными снимками, подобных которым больше никому сделать не удалось, был убит зверем во время съемки в декабре 2003 года. Его памяти и посвящен рассказ Александра Смышляева, дружившего с Виталием Николаенко, он хорошо знал этого уникального человека, дружил с ним, ценил его целеустремленность и душевные качества. Это знание получило свое отражение в тексте, написанном с легким оттенком юмора, с той интонацией, какую может позволить себе только близкий друг, от которого мы обычно ждем исцеляющей нас искренности. Правда, автор предупреждает читателя, что герой в каком-то смысле идеален, у него нет даже имени. Однако после прочтения этого рассказа возникает желание — открыть фотоальбом Виталия Николаенко и узнать

о жизни его автора. Из дневников исследователя, из его статей и заметок в научно-популярных журналах, из воспоминаний о нем мы узнаем его характер. Это дает нам понимание многих мотивов рассказа Александра Смышляева, и прежде всего той неутолимой любви его героя к камчатской природе и ее обитателям, именно они стали основой его жизненного счастья. И гибели.

Рассказ «Испытательный срок» посвящен проблеме выбора жизненного пути, выбора профессии. Выпускник геолого-разведочного техникума Виктор Панов становится металлургом, чтобы не огорчать свою возлюбленную Катюшу. На самом же деле он всегда мечтал быть геологом. А потому, проведя некоторое время у доменной печи, он попадает в тоску и даже напивается. Не делая его жизнь счастливой даже желанные встречи с возлюбленной. Автор завершает рассказ таким образом, что нам ясен выбор героя — он увольняется с комбината и стремится в тайгу. Но не ясно, выдержала ли этот «испытательный срок» его любимая Катюша, отложившая судьбоносный разговор «до завтра». Только по конечным строкам повествования можно догадаться, что у Виктора Панова появилась другая возлюбленная — тайга. «...Ему стало легко. А в город окончательно пришло лето. Далеко, у горизонта, дыбились в голубой дымке горы. Там была тайга, она уже который год ждала молодого геолога Виктора Панова»*.

Последний рассказ книги «Отцовское ружье» посвящен памяти Георгия Афанасьевича Лоскутника, почетного горняка СССР, отчима А. А. Смышляева. Рассказ ведется от первого лица, имена героев невымышленные, так что это автобиографическое повествование. В роли героя — сам автор, в роли отца — его отчим. Портрет отца герой-повествователь рисует мягкими, лиричными красками: «В тайге на отце всегда была обычная ватная телогрейка черного цвета. А на голове — простая, несуразно-желтая, конопатая, на искусственном меху старая шапка. Но на лице — всегда улыбка философа, его потаенная, редкая для тех серьезных лет улыбка... Она предназначалась только истинным друзьям и своим. На фотографиях это и сегодня видно». «Пронувшись, я находил возле костра нашу походную сковородку с зажаренными в яйце пескарями... Уже после этого, про-

* Там же. — С. 332.

терев глаза, я отыскивал взглядом и отца, стоящего с удочкой по колено в утреннем тумане. Я всегда любовался этой картиной и раз за разом тайно записывал в дневнике, что опять отец с удочкой «плыл над сонной утренней рекой, словно Иисус Христос из Библии»*.

Конечно же, это не просто ассоциативная связь по сходству внешних ситуаций. Подобно тому как Христос сказал своим ученикам: «Азь есмь Путь, Истина и Жизнь», для героя этого повествования именно отец стал тем образцом для подражания, ученичества, благодаря которому он открыл для себя мир и полюбил его. «Именно он подарил мне и моим братьям тайгу. Влюбившись в тайгу, костры и походы, я стал геологом»**. Так обрел герой свой путь в жизни.

Поскольку рамки рецензии не позволяют подробно остановиться на содержании и художественных особенностях каждого из произведений рассматриваемой книги, позволим себе после краткого обзора остановиться на повести Александра Смышляева — приключенческой повести «Пока собачки бегут на север...».

В связи с этим названием у нас сразу же возникает вопрос: почему «собачки», а не «собаки»? Не слишком ли приторна такая ласковость для северного человека? Но с первых же страниц повести становится ясно, что уменьшительная форма здесь неслучайна и стилистически оправдана. Автор везде употребляет это ласково-уменьшительное обращение к животным, от которых на Камчатке зависит многое в жизни человека, а иногда и сама жизнь. Причем ласковость эта не от героев чаще всего идет, а от самого автора. Это он не хочет называть «младших братьев» собаками, привнося в повествование теплую тональность дружественного отношения к животным:

«— Где ваш сын, как его зовут?

— Вот он, возле собак, зовут Кириллом, — показал Ксенофонт на сына, призывающего собачек».

Это внимание к животным, живущим рядом с человеком, проявляется и в особенном уважении автора к их мыслительным способностям. Рядом с мыслями каюров (владельцев собачьих упряжек) звучат и мысли их подопечных. Читателю откры-

ваются собачьи чувства, стремления, и все это через призму естественных законов природы.

В современной прозе рядом с именем Александра Смышляева хочется поставить имя другого известного писателя-натуралиста Камиля Зиганшина с его только что опубликованной повестью «Возвращение росомахи», где рассказ ведется как бы «от лица» этого редкого пушного зверя со всеми его душевными переживаниями и мыслями по поводу поведения человека, этого странного «двуногого существа».

У Смышляева повествование выстроено так, что не всегда заметна грань между словами автора и мыслями героя. Вот пример предложения, где речь ведется о собаке: «Вот таким был Каштан — далеко не молодой, крупный ездовой пес камчатской породы. Он помнил, как в прошлом году здесь погибли от зубов местных шакалов две хорошие, сильные собаки. И ничего нельзя было сделать, глядя на эту трагедию...» Кажется, это авторское сожаление о том, что люди видели, но не смогли помочь, не отвратили «трагедию». Ведь очевиден здесь осмысленный взгляд на ситуацию, названную «трагедией». Однако продолжение фразы заставляет нас удивиться и, что самое главное, — полюбить Каштана с первого же эпизода его появления в повести: «...И ничего нельзя было сделать, глядя на эту трагедию, — не пускали крепкие кожаные ремни и цепи. Увы...»

Из этого фрагмента видно, что Каштан — один из главных «собачьих» героев дальнейшего повествования, ибо его благородная натура здесь обнаруживает себя сполна даже и без подробного авторского рассказа о нем. Нам достаточно этой одной его мысли, потому что мыслит он философскими категориями добра и зла, радости и трагедии.

Александр Смышляев продолжает здесь лучшие традиции жанра приключенческой повести с героями-животными. Если речь вести именно о герое-собаке, то, конечно же, сразу вспомнится чеховская Каштанка, Затравка (Травка) Михаила Пришвина, Белый Бим Черное Ухо Гавриила Троепольского и другие. А если брать северных ездовых собак, то тут сразу же вспоминаются мыслящие четвероногие герои Джека Лондона.

* Там же. — С. 334.

** Там же. — С. 335.

Следует уже остановиться и вспомнить, что повесть Александра Смышляева не о собаках...

Пока собачки бегут в упряжке, держа курс на север Центральной Камчатки, с их хозяевами происходят удивительные приключения и случаются нравственные метаморфозы. Вот об этом повесть.

На страницах повести автор воссоздает колоритные портреты северных людей, коренных жителей Камчатки и тех, кто когда-то приехал сюда и остался навсегда, привязавшись душой к этим суровым, но несказанно прекрасным местам.

Напомним, что сюжет повести выстроен вокруг тысячекилометровой гонки на собачьих упряжках «Берингия», в которой участвуют как опытные, хорошо подготовленные каоры, так и новички. Для гонки они подбирают самых сильных, выносливых собак, которые ничего другого в жизни никогда не делали — только ходили в упряжке. Эти животные отличаются особым нравом — агрессивны, беспощадны, не нуждаются в большом количестве корма и легко переносят любую непогоду. Каоры гордятся своими собаками, иногда это доходит до моральных крайностей. Испытания, настигающие их во время гонки, помогают обрести душевную гармонию, а некоторым и смысл жизни.

Самым старшим из героев является коряк-оленеvod Ксенофонт Оглю. «Мудрая, незлобивая настроенность в отношении с русскими — вот что сразу бросалось в глаза при общении» с ним. «Он своим горделивым, независимым видом показывал, что русские — это, конечно, нация большая, великая, но коряк есть коряк, он всегда будет загадкой для русского, а потому останется в чем-то выше, хитрее и недоступнее». «Среднего роста, кряжистый, постоянно трезвый и улыбчивый, Ксенофонт, с точки зрения русского, так не походил на прочих коряков. В нем глубоко, врожденно сидело достоинство. Он светился мудростью и жизненной философичностью. Было видно, что он просто так, от нечего делать, не соблазнится водкой, как большинство его соплеменников, и не променяет на нее честь и свою независимость. На праздник он пришел в красивом, вышитом бисером и кусочками кожи малахае. На ногах — чистые, незаношенные торбаса. Остальная одежда — обычная, европейская. Но именно малахай и торбаса вкупе с азиатским широ-

коскулым, обветренным и морщинистым лицом подчеркивали в старике его национальность».

Стоит сразу отметить здесь эту самобытную лексику. В повести мы встречаем разного рода кухлянки, малахай, торбаса, камлейки, конайтэ. Все это национальная верхняя одежда и обувь. Упоминается еще корякский народный танец норгали. Из многих северных народов здесь присутствуют не только коряки, но еще эвенки и ительмены. Большинство действующих лиц русские, но с особенной любовью автор все-таки рассказывает о героях-аборигенах. Уже знакомый нам коряк Ксенофонт Оглю как раз и стал в итоге лидером «Берингии». У него были самые лучшие ездовые собаки.

Самым молодым участником гонки оказался Кешка Коерков, единственный в этих соревнованиях эвен. «Раньше эвенов называли ламутами». Поэтому молодого эвена все прозвали Кешка Ламут. Этот юный герой сразу же вызывает наши симпатии.

«Его провожало все родное село Эссо: он — свой, единственный на гонке эвен. Девчонки, в том числе сестра Марина, целовали его в раздумявшуюся на утреннем морозе щеку. Кешке было стыдно от прилюдных девичьих ласк, он отмахивался, деланно сердился. А в душе было приятно, на сердце — тепло. У него еще не было постоянной подружки, он еще не был влюблен, поэтому подпущкал к своей гладкой щеке всех девчонок».

«Как Кешка любит жизнь! Ничего ему не надо — ни Петропавловска, ни Москвы, лишь бы ехать вот так на любимой собачьей упряжке или идти с ружьишкой по камчатской тайге! И все вокруг понимать. И знать, что ты здесь свой. И медведь тебя видит, да не трогает, и куропатка тебя слышит, да не боится. Они догадываются, что без причины Кешка хулиганить не станет, он вырос и воспитан эвеном, лесным человеком, неотъемлемой частью природы! Кешка привык ограничивать себя во всем — и в еде, и в желаниях».

Ну чем не христианский подвижник! В еде не нуждается и желания усмиряет. И медведь его не трогает, и куропатка не боится. Подобного героя мы уже встречали в повести Бориса Агеева «Вокруг Горы, что льдом сверкает». Там юноша Кечгэнки, будучи героем северного мифа, даже беседовал с медведем и кормил кашей говорящего Ворона.

У Александра Смышляева не миф, а современность, но герой его по-прежнему считает себя «лесным человеком», не прельщаясь благами городской цивилизации, которые уже развратили многих его соплеменников.

Еще один интересный персонаж повести — потомок племени старейшин Данила Камак. «Данила был по натуре авантюристом, рискованым парнем. Наверное, сказывалась кровь тойона, как на Камчатке раньше называли вождей у коренных северяян. Камаки из его рода всегда были тойонами. Это было заметно даже по внешнему виду всех Камаков — крупных, широкоплечих, видных, властных. И Данила был таким же».

Этот юноша-северянин уже существенно отличается по характеру и от пожилого коряка Ксенофонта, и от совсем юного эвена Кешки. Он чувствует себя человеком привилегированного сословия, которого, к сожалению, уже не существует в современном быту северяян. Поэтому он несколько потерялся. «В прошлом году он вернулся из армии, с пограничной заставы на острове Медном, устроился работать в родном северном поселке плотником-бетонщиком, но строили мало, заработков не было, поэтому он сначала ушел на обработку рыбы к местному частнику, а осенью завел упряжку, чтобы начать браконьерничать, самостоятельно добывая соболя и горностая. Соболю шел плохо, а за горностая давали мало, поэтому он с радостью согласился участвовать в гонке, когда узнал, что главный приз — снегоход «Ямаха» и приличная денежная премия. От такого снегохода и от тысячи долларов разве откажешься, живя на Севере?»

Кажется, этот герой не спешит понравиться читателю. Настораживает его напористая деловая хватка и откровенно меркантильные соображения. Однако уже на следующей странице повести автор так разворачивает события, что Даниле удается продемонстрировать самые лучшие качества. Прежде всего, нас по-хорошему удивляет, как этот современный молодой человек, уже испытавший зависимость от комфорта, в опасную минуту вдруг забывает страх и полагается на опыт предков, спокойно располагаясь на ночевку в снегу посреди бушующего в тундре бурана. «Ничего страшного, — успокаивал себя Данила. — Предки постоянно так ночевали, и никто не замерзал до смерти. Не замерзну и я».

То, что для русского, например, или европейца было бы смертельной опасностью, для него — «ничего страшного». То же доверие к природному началу в себе сказывается и в принятии судьбоносных решений. Случайно заблудившись в тундре во время ночной пурги, Данила уклонился от маршрута «Берингии» на целых двадцать километров. Нечаянно оказался в юрте своего знакомого коряка-кочевника и влюбился в его сестру. Всего несколько часов провели они вместе, но Данила доверился зову сердца и остался с Даринкой насовсем, сойдя с гонки и, соответственно, лишившись вождельных призов и долларов. Так естественно и безоглядно дети природы Данила и Дарина принимают свою судьбу, усматривая ее указующий перст даже в созвучии своих имен.

Самая яркая любовная линия связана с двумя другими персонажами повести. Это молодой метис Мишка Насса и журналистка Кира из Москвы.

«Фамилия у Мишки от деда, материнного отца, коряка. Интересный был дед, Мишка гордился им. Старый писатель Шаталов в молодости путешествовал с дедом и много о нем рассказывал в книгах».

Автор присваивает характеру этого юноши ту традиционную эмоциональную неуравновешенность, которой обычно отличается русский человек с открытой для всех душой. А дело вот в чем.

Кешка, сильно огорчившись, что его дальняя родственница Даринка, в которую ему запретили влюбляться из-за родства, так быстро вышла замуж за Данилу, что переживал едва ли не до слез. Вот Мишка Насса и взялся его душевно утешить. При этом сам он, как бывает со всяким, в ком течет русская кровь, сильно взгрустнул, припоминая свои неудачи. Оказывается, он успел уже на этой гонке влюбиться: «...мне, если честно... одна журналистка из Москвы понравилась, на старт приезжала. Эх, черт, мне бы выучиться! Самая большая мечта у меня — поступить учиться. Да боюсь экзаменов, а на платную учебу денег нет».

Тяга к просвещению у Мишки от отца, но в способности своих он, как всякий, только наполовину цивилизованный человек, сильно сомневается. «Хотя, если разобраться, зачем он нужен той московской журналистке Кире? У нее там такие ухаже-ры! А он: ни кола, ни двора, ни образования, ни национальности. Отец — русский, мать — корячка, он по русскому три ошибки

в одном слове делает, зато стихи Пушкина и Есенина может часами читать наизусть. Не любит охоту и рыбалку, зато любит собак и спорт. Короче, всего намешано, но никакого кристалла в душе пока не вырастает... А такая девчонка! Видно, что Север само-забвенно любит! И очень заинтересовалась Камчаткой. Мишка с нескрываемой тоской оглядел мутные дали. Камчатка ты моя, Камчатка! Любимая тюрьма!»

Писатель рисует героя, душа которого не находит покоя из-за той двойственности, что обусловлена его происхождением. Мысленно Мишка называет себя аборигеном Камчатки, любит ее, но отцовская в нем кровь зовет его в Москву. «Они с Кирой обошли все Эссо, она рассказывала о Москве, о своей работе, а он все больше говорил о собаках и родном Севере. И снова читал ей Пушкина, поблескивая счастливыми черными глазами:

*Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей...».*

Упоминание «болезни любви» — метафоры, получившей широкую популярность в русской романтической поэзии со времен Пушкина и достигшей кульминационного «болезненного» смысла в стихах Аполлона Григорьева и балладах Афанасия Фета («Лихорадка») — указывает на пробуждение страсти в крови юности-метиса. Однако Кира не спешит отвечать взаимностью.

Известную проблему, отраженную в советском кинематографе восьмидесятых годов («Легко ли быть молодым?»), А. Смышляев с тонким юмором обыгрывает в ситуации слияния двух культур, когда абориген Мишка, декламируя Пушкина, погоняет свою собачью упряжку с таким изяществом, будто это знатная русская тройка с серебряными бубенцами:

«Трудно быть метисом. Сливаясь, две могучие реки долго борются друг с другом, пока не станут единым потоком. А кровь метиса всю жизнь не знает покоя...

— Но, залетные! Вперед, туман! — весело кричал Мишка и, отталкиваясь ногой

от плотного снега шахмы (накатанной дороги — М. М.), помогая собачкам ускорить бег».

Невозможно втиснуть в рамки рецензии все удачные эпизоды и яркие художественные находки повести. Остается только добавить, завершая разговор о теме любви, что журналистка Кира влюбилась не в Мишку, а в Камчатку, хотя и претерпела здесь тяжелое испытание на стойкость характера. Попадала она в лютовую пургу, засыпало ее снежной лавиной, слышала она близкий вой волков и видела их горящие голодные глаза совсем рядом с собой, плакала от страха и отчаяния, проклиная безжалостную северную ночь — и все-таки не смогла не признать тот факт, что «Камчатка действительно умеет влюблять в себя и в своих людей».

Не случайно автор называет маршрут гонки «Берингия» *дорогой любви*. (Пятая глава повести так и озаглавлена — «Дорога любви».) Не только потому, что молодые парни, участвуя в гонке, мечтают встретить здесь свою судьбу, и некоторым это действительно удастся.

Есть у «Берингии» другая, более весомая цель — она делает людей братьями, учит их взаимопомощи, добру и любви.

На этой жизнеутверждающей ноте автор и завершает свое повествование. И нам становится очевиден глубокий смысл названия повести — «Пока собачки бегут на север...». Пока они бегут, приближая своих хозяев к финишу и желанной победе, владельцы собачьих упряжек претерпевают душевное поражение. Кто-то мужает и обретает веру в себя, хотя пришел на гонку робким мальчишкой (Кешка Коерков). Кто-то усмиряет жажду успеха и получения дорогих призов, получая взамен счастливую взаимную любовь (Данила Камак). Кто-то жертвует уже завоеванным лидерством, сходя с маршрута, чтобы найти и спасти пропавших в тундре людей (Мишка Насса). И все они искренне радуются тому, что вместе с товарищами проходят этой трудной «дорогой любви», испытывающей их на нравственную прочность.

Марина МАСЛОВА,
кандидат филологических
наук, г. Курск